

Алексей ПУШКОВ:

Моя программа — для умных

Моск. правда. — 2003. — 25 февр. — с. 3

Пятый год в эфире ТВЦ выходит информационно-аналитическая программа Алексея Пушкова «Постскриптум». Аналогичные по форме передачи есть на каждом федеральном канале. И у каждой — свой, практически постоянный зритель. «Постскриптум» — молодая программа, но стабильно наращивающая рейтинг. Бывает, что и обходит многоопытных конкурентов. Так случилось, например, с новогодним выпуском, когда она заняла второе место, уступив только «Намедни».

Пушков — выпускник ГМИМО, до прихода на ТВ уже многое в жизни успел: поработал преподавателем родного вуза, «остепениться» (кандидатская по внешней политике США). Затем его пригласили в журнал «Проблемы мира и социализма», потом — в группу консультантов к «отцам перестройки» Михаилу Горбачеву, Александру Яковлеву и Вадиму Медведеву, после этого — в международный отдел ЦК КПСС. А еще поработал и на других руководящих постах: первым заместителем редактора «Московских новостей», директором общественных и международных связей ОРТ. Сегодня Алексей Пушков — гость нашей редакции.

— Алексей Константинович, предлагаю беседу начать с горячих событий, происшедших на телевидении. Как вы объясните то, что происходит на НТВ?

— Кремлю не нравится позиция канала. Гусинский уже телекомпанией не руководит, владеет ею Газпром во главе с господином Миллером, доверенным лицом Кремля, а НТВ по-прежнему находится в оппозиции к президенту и его администрации, выступая с критикой по всем болезненным для Кремля вопросам. Я думаю, что Борис Иордан, когда пришел на канал, понял, что уход Киселева и части команды на самом деле не меняет общей идейно-политической направленности НТВ. И господин Иордан, полагая, решил, что менять направленность канала ему не под силу: начнутся постоянные скандалы с журналистским коллективом, канал перестанет работать и приносить прибыль. Какое-то время он за счет личного авторитета прикрывал канал

перед администрацией президента, отдуваясь за программу Парфенова, за информационные службы. До определенного момента это сработало. Потом случился «Норд-Ост». И когда Путин заявил, что нельзя «на крови наших граждан повышать себе рейтинг, если, конечно, те люди, которые руководят некоторыми телеканалами, считают этих граждан своими», ясно было, что это намек на Иордана, который является гражданином США. По всей видимости, тогда-то Миллеру было рекомендовано подумать о замене руководства НТВ. А у руководства Газпрома, думаю, на скамейке возможных кандидатов не оказалось подходящих людей. Так и возникла кандидатура Сенкевича, который просто прикрыл зияющую дыру в кадровой политике Газпрома на идеологическом фланге.

— И что, Сенкевич с ходу стал требовать изменения политики канала?

— Не знаю, а гадать не буду.

Но одно дело — находиться под руководством людей, которые себя уже как-то зарекомендовали, по крайней мере в бизнесе, как Иордан. И другое дело — когда вам назначают начальника, который не известен ни в телевизионном мире, ни в деловом. Видимо, для журналистов НТВ в этом главная проблема: Сенкевич — фигура не авторитетная. Зато для Газпрома, который устал от независимых руководителей НТВ, вполне подходящая — подотчетная.

— Парфенов по этому поводу сказал: «Акционер имеет право на ошибку...»

— Да, думаю, что решение Газпрома в принципе довольно неуклюжее и совершенно провальное с точки зрения общественного мнения: опять возникает ощущение гонений. Честно говоря, я бы не стал заранее отказывать Николаю Сенкевичу в доверии. Хотя, безусловно, можно было найти более приемлемую фигуру и для журналистской общественности в целом, и для коллектива НТВ. Управление СМИ требует некоторого изящества. В данном случае изящной комбинации не получилось.

— Власть, на ваш взгляд, всегда должна управлять СМИ?

— Управлять — нет, взаимодействовать — да. Если власть плохая, антидемократическая, антигражданская, то СМИ должны ей сопротивляться. Но если она избранный, и если она не делает ничего уж такого, во вред своим гражданам, мне кажется, в этом случае должно быть взаимодействие между СМИ и властью. Не может быть, скажем, телевидение целиком и полностью в оппозиции власти. Во-первых, такого нигде нет. Мы любим ссылаться на западные демократии. У нас сейчас, если судить по СМИ, самая демократическая страна в мире. В США степень конфор-

мизма, добровольной готовности СМИ быть верноподданными просто поразительна. Посмотрите на те же пропагандистские кампании вокруг Югославии, Ирака... Там СМИ должны получить очень серьезные основания, чтобы перейти в мощную оппозицию.

— Вы считаете, это правильно?

— Увы, идеального мира нет. В принципе, власть не должна влиять на СМИ, но пока она влияет везде, во всех самых демократических странах. Тогда почему этого не должно быть у нас?

Другое дело, каким образом это происходит. Власть должна влиять интеллектуально, работать со СМИ и объяснять, почему это важно для страны, находить в средствах массовой информации своих союзников.

— Если мы вспомним ельцинский период, то союзников у власти в СМИ было хоть отбавляй. Только вряд ли это пошло на пользу обществу, да и самой власти...

— Хотя нам и говорят, что при Ельцине был рассвет СМИ, это не так. До этого периода можно говорить о какой-то демократизации, она действительно была, а где-то с 1995 года СМИ начали скупать олигархи, представляющие либеральную позицию. При этом мне говорят, что это и есть свобода слова. Это чья свобода? Пятнадцать процентов, поддерживающих либеральную позицию? Власть, я считаю, в известной степени должна регулировать эти процессы. В этом тоже проявляется ее интеллектуальное влияние.

— Как власть должна со СМИ поступать, понятно. А как СМИ вести себя с властью?

— Для меня эта проблема возникла тогда, когда стал делать свою программу. Я считал неправильным полное отрицание. Уж будто бы в ней, если это не

твоя власть, ничего позитивного нет. Я власть оцениваю по конкретным действиям. Если она делает правильно, говорю, что это хорошо. В противном случае говорю: вот это чревато тем-то и тем-то.

— В отношении Чечни...

— У меня, думаю, честная позиция. Да, плохо, война затянулась, но при этом я не понимаю, куда отпускать Чечню, что будет, когда мы ее отпустим, во что она превратится, какая это будет для нас проблема, что такое независимая Чечня, у которой нет своей экономики и не будет... К власти придут люди, которые, как в Афганистане, единственное, что умеют, — воевать и продавать свое искусство воевать. Когда говорят, что нужно немедленно заканчивать войну в Чечне, я считаю, это лозунг, лишь элегантно, либерально модная фраза.

— Хорошо, давайте отвлечемся от политики, перейдем к телевидению. Что скажете по поводу прошедшей церемонии ТЭФИ, по поводу разрабатываемой не по дням, а по часам телеакадемии?

— К академии у меня отношение сдержанное. И вот почему: возник некий клан людей, которые безусловно имеют заслуги. Они сделали себя академиками. Думаю, это правильно, потому что должен быть какой-то авторитетный орган во главе этой мощной индустрии и гигантской социальной структуры. Но произошла клановизация. Эти люди решили, что теперь они будут определять, что такое хорошо и что такое плохо на российском ТВ, исходя из собственных взглядов. Круг этот достаточно узкий. И хотя академиков 400, не все они равны между собой. К сожалению, давно возникло ощущение, что люди сами себе раздают награды.

— Чем отличается ваша информационно-аналитическая программа от других?

— Моя программа — для умных. Сначала мне говорили, что умных очень мало и этот тезис ее погубит. Ничего подобного. Растущие рейтинги говорят о том, что умных много. Меня интересует активная часть общества — те, кто хочет знать, что происходит вокруг него и не готовы заглатывать любую идейную жвачку, которую ей предлагают.

Я размещаю свою программу как бы в некотором поле несогласия с доминирующей идеологией. Это не значит, что моя программа притирается к каким-то левым коммунистическим идеалам. Но когда есть домини-

рующая идеология, возникает монополия, а следом — манипуляция. Я — противник манипуляции. Это второй момент. И третий момент. Не секрет, что развлекательность поднимает рейтинг. Я стараюсь этим приемом не пользоваться. Думаю, программа важна как часть политического процесса. Я общаюсь со многими людьми, представителями власти, политиками. Они говорят, что «Постскриптум» им интересен. Если на каких-то каналах они всегда обречены на поддержку, а на каких-то на критику, то в моей программе бывает и то, и другое, потому что стараюсь оценивать политиков по их конкретным действиям.

— Ваша программа идет уже

пятый год. Многим нравится. Вы как ее создатель и ведущий отмечены различными наградами. Что бы вы хотели себе и «Постскриптуму» пожелать?

— Для меня важно, чтобы моя программа играла роль в политическом процессе, чтобы она участвовала в обсуждении того, что принято называть национальными интересами, если угодно, чтобы моя позиция влияла на действия президента. Раз политическую программу смотрят, значит, эта позиция поддерживается многими. А раз она выражает общественное мнение, хочется, чтобы к ней прислушались.

Беседу вела Валентина СЕМЕНЕНКО.